

ТЕАТР

ВЕСЕЛОЕ МАСТЕРСТВО

Еще одна итальянская театральная группа показала нам свое искусство. В Ленинграде вчера начались гастроли Театра Пеппино де Филиппо, сыгравшего пьесу «Превращения бродячего музыканта».

Классический сюжет о том, как влюбленные с помощью верных друзей и слуг соединились вопреки всем препятствиям, использован автором пьесы и режиссером Пеппино де Филиппо для того, чтобы построить сценическое действие, неистощимое в своей веселости, насыщенное забавными выходками и перевоплощениями главного героя. Бродячий музыкант Пеппино то переодевается в старинные торжественные одежды философа, то предстает в образе оживающей мраморной статуи или зловещего скелета и даже надевает белоснежный чепчик, чтобы из-за ширм кукольного театра появиться в виде невыносимо капризного младенца. Играющий эту роль Пеппино де Филиппо поет и танцует, выступает как комический мим, с упоением и редкостной непосредственностью действует в самых невероятных ситуациях, вовлекая всех участников спектакля в круговорот своей фантазии, сценического изобретательства, захватывая публику атмосферой жизнерадостности.

Итальянский драматург, режиссер и артист смело идет навстречу законам комического, обостряет их, варьирует, подчеркивает, обнажает. Играя младенца, он вовсе не меняет грима человека в усах; пугающий скелет вдруг добродушно переглядывается с публикой, а статуя забывает о том, что должна быть величественной. Комические

несоответствия возникают у артиста естественно, органично, как бы ни были наивны фабульные перипетии. Каждую из веселых ситуаций он умеет тонко и живо подчеркнуть. Так, в мастерском исполнении артистки Ньетты Дзюкки стареющая служанка Тата не может поверить в то, что пылкий восторг молодого человека обращен к ней, и ищет по сторонам счастливую особу, а в другом эпизоде, без памяти влюбившись, пытается поймать на полу только что пролетевший воздушный поцелуй...

Театр провозглашает свою близость комедии дель арте, но можно сказать, что «Превращения бродячего музыканта» по содержанию очень близки жанру театральной пародии. Когда Луиджи де Филиппо, один из самых выразительных актеров спектакля, в роли слуги Анджелино иронически-ми движениями рук как бы «продолжает» рулады своего господина, поющего серенаду, а дуэль двух ревнивых соперников то и дело подчиняется точным темпам музыкального сопровождения, кажется, будто театр сдвигает пыль канонов и трафаретов «романтических» представлений плаща и шпаги. Некоторые ансамбли позволяют утаить насмешку над штампами венской оперетты. И в танце Фраголетты — обаятельной артистки Анджелы Пагано — разве не осмеивается стриптиз?

Мастерство итальянских артистов сказывается в изменчивых ярких ритмах спектакля. Законы ритма ощущаются и в комических звуках запираемого замка дверей, за которыми томится героиня, и в

пантомимической игре приятелей, которые, обнимаясь в момент радостной встречи, обшаривают карманы друг друга, и в том, что попытка высморкаться становится одгим из рефренов сцены в трагедии. Это — веселые ритмы карнавала. Потому так органичен финал, построенный под звуки тарантеллы.

Дух карнавальнoй игры характерен для всей атмосферы действия. Но примечательно, что на сцене — не изысканные маски, а живые персонажи, обычные люди. Марилена — артистка Лидия Мартора одета в сверкающий карнавальнoй головной убор, но чернoй платок обыкновенной итальянской женщины перекинут через ее плечо. Эта деталь характерна для художественного строя спектакля. Карнавал в нем не стилизуется, а раскрывается как народный праздник.

«Превращения бродячего музыканта» стоят особняком среди виденных нами произведений итальянского театра и кино. Их жизнерадостность покоряет своим обаянием. Но в этом творении итальянцы смеются, не задевая острых проблем века. Театр понимает это, откровенно признаваясь в тексте одной из своих программ, что форма «превращений» — не высокоинтеллектуальная, что она основана всего лишь «на красочном разыгрывании шуточных эпизодов». Действительно, при обилии комических положений и жанровых фигур здесь, кроме одного Пеппино, нет типов. И в этом — ограниченность спектакля при всей его художественной прелести.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО